

**УДК165.3****DOI: 10.34670/AR.2026.25.82.004****Релятивизм в контексте познавательных, лингвистических и культурных дискурсов современного цифрового бытия****Бакаева Жанна Юрьевна**

Доктор философских наук, профессор,  
кафедра философии, социологии и педагогики,  
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,  
428015, Российская Федерация, Чебоксары, Московский просп., 15;  
e-mail: zannabaka@mail.ru.

**Ерохина Ирина Вячеславовна**

Аспирант,  
кафедра философии, социологии и педагогики,  
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,  
428015, Российская Федерация, Чебоксары, Московский просп., 15;  
e-mail: zannabaka@mail.ru

**Березин Даниил Михайлович**

Аспирант,  
кафедра права и философии,  
Мордовский государственный  
педагогический университет им. М. Е. Евсевьева  
430007, Российская Федерация, Саранск, Студенческая ул., 11А;  
e-mail: daniil.berezin.99@list.ru

**Аннотация**

В статье рассматривается релятивизм как философская и культурная проблема, получившая новые формы в условиях цифрового общества. Анализируется зависимость знания от исторического, языкового и социального контекста, а также влияние цифровых платформ и алгоритмического отбора информации на способы восприятия действительности. Особое внимание уделяется соотношению глобального и локального, множественности интерпретаций и возможности сохранения общих критериев достоверности. Показано, что признание контекстуальной обусловленности знания не означает равной ценности любых суждений: интерпретации могут и должны сопоставляться с эмпирическими данными, логическими основаниями и практическими последствиями. Культурный и лингвистический релятивизм рассматриваются как значимые инструменты анализа цифровой коммуникации, однако их радикальные версии способны затруднять научную критику и межкультурный диалог. Делается вывод о необходимости сочетать внимание к многообразию культурных и языковых позиций с рациональной аргументацией, проверкой фактов и анализом механизмов цифровой среды.

**Для цитирования в научных исследованиях**

Бакаева Ж.Ю., Ерохина И.В., Березин Д.М. Релятивизм в контексте познавательных, лингвистических и культурных дискурсов современного цифрового бытия // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2026. Том 15. № 3А. С. 138-147. DOI: 10.34670/AR.2026.25.82.004

**Ключевые слова**

Релятивизм, языковые структуры, постмодерн, цифровизация, культура, виртуальное пространство, контекст, коммуникация, глобализация, метанарративы, эпистема, алгоритмы.

**Введение**

Релятивизм в цифровую эпоху проявляется прежде всего в том, что знание и оценка событий всё заметнее зависят от условий, в которых человек получает информацию. Пользователь обращается не к единому и нейтральному информационному полю, а к персонализированным лентам, поисковым системам, рекомендательным сервисам и сетевым сообществам. Алгоритм не создаёт истину сам по себе, но определяет порядок видимости сообщений: одни материалы многократно воспроизводятся и выходят на первый план, другие остаются за пределами внимания. Поэтому разные субъекты, находясь в одном медиaprостранстве, могут формировать существенно различающиеся представления об одних и тех же событиях. Платформа в этой ситуации выступает не только техническим посредником, но и средой, задающей правила отбора, ранжирования и распространения информации. Фрагментация цифрового пространства усиливает множественность идентичностей и интерпретаций, однако не отменяет вопроса об их обоснованности. Контекст позволяет понять происхождение той или иной позиции, но не освобождает её от проверки и критического обсуждения.

**Основная часть**

Истоки релятивистской проблематики восходят к античной философии. С именем Протагора связывают положение «человек есть мера всех вещей», подчёркивающее зависимость суждения от воспринимающего и оценивающего субъекта. Из этого тезиса не обязательно следует полный отказ от истины; прежде всего он указывает на то, что человеческое знание всегда соотнесено с определённой точкой зрения и конкретными обстоятельствами. Пиррон и последующая скептическая традиция обращали внимание на недостаточность оснований для окончательного суждения и предлагали воздерживаться от категорических выводов. Релятивизм и скептицизм здесь соприкасаются, но не совпадают: первый акцентирует зависимость знания от условий его возникновения, тогда как второй подчёркивает ограниченность оснований, позволяющих считать отдельное утверждение несомненным. Это различие важно и для современного анализа цифровой информации, где признание контекста не должно автоматически вести к отказу от проверки фактов.

В эпоху Возрождения и Нового времени критика догматизма получила развитие в произведениях Э. Роттердамского и М. Монтеня. Дж. Беркли и Д. Юм исследовали роль восприятия и опыта в построении картины мира, тем самым углубляя представление о субъективных условиях познания [Беркли, 2012, с. 56-57]. Работы Э. Маха также значимы для

понимания того, как организация опыта и выбранная система понятий влияют на научное описание [Мах, 2012, с.35-37]. При этом проводить прямую связь между его философией и современными цифровыми платформами следует осторожно: речь может идти лишь о методологической аналогии, позволяющей поставить вопрос о зависимости модели реальности от способов упорядочивания данных. По той же причине философский релятивизм нельзя смешивать с теорией относительности А. Эйнштейна. Физическая теория устанавливает строгие закономерности между системами отсчёта и имеет эмпирическое подтверждение; она не утверждает равноценность любых мнений. В философии науки XX века зависимость знания от концептуальных предпосылок исследовал Т. Кун, показавший роль парадигм в постановке научных вопросов и интерпретации фактов [Кун, 2020, с. 23-25]. П. Фейерабенд, критикуя представление о единственном универсальном методе, защищал методологический плюрализм. Оба подхода раскрывают историческую изменчивость научной рациональности, но не устраняют значения аргументации, опыта и профессиональной дискуссии [Фейерабенд, 2010, с. 43-44].

В философии постмодерна релятивистская проблематика вышла на первый план, поскольку предметом анализа стали сами основания, на которых строятся универсальные объяснения. Ж.-Ф. Лиотар писал о недоверии к метанарративам — крупным схемам, претендующим на окончательное объяснение истории и общества [Лиотар, 2001, с.56-57]. Это положение не означает, что истина является лишь одним из повествований; скорее, оно фиксирует кризис доверия к единственной системе, способной исчерпывающе описать человеческое развитие. Ж. Деррида исследовал подвижность значения и зависимость смысла от контекста, выявляя скрытые предпосылки и внутренние напряжения текста [Деррида, 2012, с.45-46]. М. Фуко использовал понятие эпистемы для обозначения исторических условий, определяющих допустимые формы знания в конкретную эпоху [Фуко, 2008, с.160-161]. Р. Рорти, в свою очередь, переносил акцент с поиска окончательного философского основания на практику разговора, солидарность и сопоставление различных словарей описания [Рорти, 2017, с. 78-79]. В цифровой среде эта множественность становится особенно заметной: конкурирующие версии событий быстро находят собственные аудитории. Вместе с тем цифровая коммуникация не является пространством полной децентрализации, поскольку платформы устанавливают правила публикации, модерируют содержание и управляют видимостью материалов.

Проблема истины в релятивистском дискурсе требует более точной постановки, чем простой выбор между абсолютной достоверностью и произвольным мнением. Отказ от идеи единственной и окончательной истины ещё не означает отказа от рациональных критериев оценки. В цифровой среде суждение часто складывается под воздействием высокой скорости обмена информацией, эмоциональной реакции и повторяемости сообщений. Информационные пузыри усиливают уже имеющиеся убеждения, а алгоритмическая персонализация ограничивает встречу с альтернативными позициями. В этих условиях временный консенсус легко принять за установленный факт. Поэтому фактчекинг, обращение к первичным источникам и сопоставление независимых свидетельств следует понимать не как проявления цифрового релятивизма, а как способы противодействия информационной замкнутости. Проверка не устраняет контекст, но позволяет различать интерпретацию события и утверждение о самом событии. Тем самым сохраняется пространство для дискуссии: позиции могут быть различными, однако степень их обоснованности зависит от качества аргументов, надёжности источников и способности учитывать опровергающие данные.

Релятивистский подход существенно повлиял на интерпретацию социального цифрового

мира, поскольку позволил обратить внимание на зависимость знания от позиции исследователя и от институциональной среды. Его значение состоит в критике представления о полностью нейтральном наблюдении и в признании того, что социальные понятия формируются исторически. Вместе с тем сильные версии релятивизма создают методологическую трудность: если любые объяснения признаются равноценными, исчезает основание для выбора между ними. Критический реализм, критически-эмансипаторская и позитивистско-эмпирическая традиции по-разному решают эту проблему, но сходятся в необходимости соотносить теоретические конструкции с наблюдаемыми процессами. Поэтому критика релятивизма направлена не против многообразия точек зрения как такового, а против превращения социальной реальности в замкнутый мир интерпретаций. Цифровые явления нельзя объяснить только языком и символами: необходимо учитывать инфраструктуру платформ, экономические интересы, неравенство доступа и реальные последствия принимаемых решений.

Культурный релятивизм исторически выполнял важную критическую функцию, позволяя отказаться от оценки других культур исключительно по нормам собственного общества. В цифровой действительности эта установка приобретает новое содержание. Пользователь постоянно сталкивается с различными образами жизни, ценностями и символическими системами, однако воспринимает их через стандартизированные интерфейсы и форматы. Возникает противоречие: техническая форма стремится к универсальности, тогда как культурное содержание сохраняет локальную специфику. Платформы при этом не являются нейтральными. Их архитектура опирается на определённые представления о допустимом поведении, публичности, авторстве и значимости информации. Рекомендательные системы способны усиливать наиболее эмоциональные и популярные материалы, а единые правила модерации по-разному действуют в различных культурных контекстах. В результате цифровая идентичность формируется на пересечении локального опыта, глобальных шаблонов и алгоритмических требований. Культурные различия в сети не исчезают, но меняют форму и становятся частью платформенной коммуникации.

Радикальная версия культурного релятивизма порождает серьёзное противоречие. Если любую практику объявить неприкосновенной лишь потому, что она принадлежит определённой культуре или социальной группе, становится трудно обсуждать неравенство, насилие и цифровое доминирование. Уважение к различию в таком случае превращается в отказ от критики, а контекст начинает выполнять роль универсального оправдания. Между тем понять происхождение нормы и признать её приемлемой — не одно и то же. Культурные ценности необходимо рассматривать в их исторической среде, но оценка последствий конкретной практики требует также учитывать права и интересы тех, на кого она воздействует. Идеи Р. Рорти о разговоре между различными культурными словарями важны именно потому, что предполагают возможность взаимного объяснения, а не изоляцию позиций. Обращение к наследию М. Хайдеггера и Ж. Деррида позволяет выявить ограниченность универсальных схем, однако не снимает вопроса о структурах власти [Хайдеггер, 2021, с. 89-90]. Напротив, критический анализ должен показывать, каким образом риторика различия иногда используется для сохранения неравных отношений и блокирования общественных изменений.

Сведение языка к полностью автономному знаковому полю приводит к новому варианту идеализма, при котором социальный мир оказывается лишь текстом и бесконечным разговором о тексте. Подобная позиция верно указывает на то, что язык не является прозрачным зеркалом действительности, но оставляет без объяснения связь высказываний с практикой, наблюдением и совместным действием. Если существование внеязыковой реальности заранее исключено,

становится непонятно, каким образом люди обнаруживают ошибки, уточняют значения и согласуют поведение. Цифровая коммуникация особенно ясно показывает двойственную природу языка: смысл формируется в знаковых системах, но последствия сообщений выходят за их пределы и затрагивают реальные отношения. Исследования Д. Миллера в области цифровой антропологии позволяют рассматривать технологии как часть повседневной культуры, а не как отдельный виртуальный мир [Миллер, 1999, с. 67-68]. Машинный перевод также демонстрирует границы формального сопоставления языков: техническая система способна передать общую структуру сообщения, но культурные оттенки, контекст и прагматическая цель нередко требуют человеческой интерпретации.

Лингвистический релятивизм связан с вопросом о том, как язык участвует в организации человеческого опыта. В. Гумбольдт рассматривал язык как деятельную форму, посредством которой человек осмысляет мир [Гумбольдт, 1985, с.89-90]. Ф. Боас обращал внимание на различия в способах языковой классификации опыта [Боас, 2024, с.27-29]. Э. Сепир и Б. Уорф развивали идею влияния языковых категорий на привычные способы восприятия и мышления [Сепир, 2003, с.128-129]. При этом язык не следует понимать как жёсткую систему, полностью определяющую сознание: он направляет внимание и предлагает устойчивые различия, но не лишает человека возможности переводить, сравнивать и осваивать новые способы описания. В аналитической философии Д. Дэвидсон связывал радикальную интерпретацию с восстановлением смысла чужой речи на основе наблюдаемого контекста и принципа рациональности [Дэвидсон, 2004, с. 46-49]. Л. Витгенштейн показывал, что значение выражения раскрывается в его употреблении, а У. Куайн подчёркивал неопределённость перевода между различными концептуальными схемами. Идеи М. Фуко и Ж. Деррида дополнили этот круг вопросов анализом исторических условий знания и подвижности значения [Фуко, 2008, с.160]. В цифровой коммуникации данные проблемы проявляются в новых формах: короткие сообщения, мемы, автоматический перевод и платформенные шаблоны ускоряют обмен, но одновременно увеличивают риск утраты контекста. Поэтому интерпретация и репрезентация лингвистических значений требуют учитывать не только структуру языка, но и ситуацию общения, культурный опыт участников и техническую среду передачи сообщения.

Роль языка в построении социальной реальности нельзя отрицать, однако столь же ошибочно сводить к языку всё многообразие социальных отношений. Общество формирует словарь, нормы речи и способы публичного выражения, а язык, в свою очередь, влияет на то, как участники описывают себя и окружающий мир. Эта диалектическая связь языка и общества не устраняет внеязыковых условий — материальных ограничений, телесного опыта, институциональных правил и последствий действия. Когда языковое конструирование понимается как совершенно произвольный процесс, исчезает основание для критического диалога: любое утверждение можно объявить только элементом отдельного дискурса. Повседневная практика, однако, показывает устойчивость связи между словами, объектами и действиями. Люди вынуждены согласовывать значения, потому что ошибки в описании мира имеют реальные последствия. Интерсубъективность не гарантирует абсолютной истины, но создаёт возможность проверки, исправления и уточнения высказываний. Поэтому социолингвистический анализ должен одновременно учитывать изменчивость значений и те условия реальности, к которым эти значения отсылают.

Критика «постмодернизации» и «релятивизации», представленная в работах М. Арчер, обращает внимание на необходимость связывать действия отдельных субъектов с относительно устойчивыми социальными структурами [Арчер, 1999, с. 65-66]. Глобализация изменила

масштаб такого анализа: общество отдельного государства уже не всегда выступает самостоятельной единицей, поскольку локальные процессы включены в транснациональные экономические, политические и информационные связи. Отсюда следует, что частное событие необходимо рассматривать в более широком контексте, не растворяя при этом его своеобразия. Подобный подход не требует возвращения к единой теории, объясняющей всё. Его задача скромнее и практичнее: показать, какие механизмы соединяют локальный опыт с глобальными процессами и почему одни формы взаимодействия оказываются устойчивее других. Для исследования цифровой среды это особенно важно, поскольку единая техническая инфраструктура одновременно объединяет различные сообщества и воспроизводит существующие между ними различия.

Релятивистская критика полезна постольку, поскольку напоминает об исторической, культурной и языковой обусловленности социального знания. Однако утверждение о такой обусловленности не следует превращать в тезис о полной произвольности познания. Не все версии релятивизма отрицают внешнюю реальность: одни говорят об ограниченности человеческого доступа к ней, другие подчёркивают социальное происхождение используемых категорий, и только наиболее радикальные позиции сводят реальность к системе интерпретаций. Различение этих подходов позволяет вести предметную дискуссию. Научное знание действительно не существует вне культуры, но отличается от знания здравого смысла или интуитивного знания способом обоснования: оно предполагает проверяемые процедуры, открытость критике и возможность воспроизведения результатов. Рациональные критерии выбора между объяснительными моделями также не обязаны быть вечными и неизменными. Они могут уточняться вместе с развитием науки, сохраняя практическую функцию — помогать оценивать соответствие данным, логическую непротиворечивость, объяснительную силу и способность учитывать альтернативные свидетельства. Именно такое понимание позволяет выйти за пределы как догматического сциентизма, так и радикального релятивизма.

Акцент на социальном и языковом конструировании мира становится проблематичным тогда, когда субъективному значению приписывается абсолютная власть над действительностью. В этом случае стираются различия между субъектом и объектом познания, фактом и вымыслом, интерпретацией и самим событием. Результатом становится ослабление причинного анализа: исследователь описывает смысл, который участники придают своим действиям, но не объясняет, почему определённые практики возникли и какие структуры поддерживают их существование. Отдельные идеи Э. Маха можно использовать для обсуждения зависимости описания от выбранной системы понятий, однако они не дают оснований считать внешний мир простой конструкцией сознания. Сходным образом лингвистические и конструктивистские версии идеализма продуктивны как критика наивного реализма, но ограничены, если не позволяют мыслить действие за пределами существующего дискурса. Подход К. Гирца, представляющего культуру как сеть значений, показывает более взвешенную возможность: субъективные смыслы необходимо интерпретировать, опираясь на конкретный материал и обстоятельства [Гирц, 2004, с. 18-20]. Такая интерпретация не отменяет причинных контекстов, а дополняет их анализом того, как сами участники понимают происходящее.

Теоретическая нагруженность эмпирических данных не означает, что результаты исследования полностью определяются исходной концепцией. Учёный выбирает понятия, методы и способы измерения, однако полученные данные способны противоречить его ожиданиям, воспроизводиться в независимых работах и требовать пересмотра первоначальной

модели. Поэтому множественность интерпретаций совместима с их ранжированием по степени обоснованности. Отказ от доктрины единственной и абсолютной истины не вынуждает признавать все объяснения равноценными. Оценивать их можно по соответствию данным, внутренней последовательности, объяснительной силе и открытости для критики. В онлайн-среде интерпретации приобретают дополнительное измерение: культурные коды смешиваются, расстояния условно сокращаются, а сообщения быстро переходят из одного контекста в другой. Теория межкультурного взаимодействия М. Беннетта позволяет рассматривать понимание иной позиции как развиваемую способность, а не как автоматический результат контакта [Беннетт, 2026, с.67-68]. Цифровая связь сама по себе не гарантирует взаимопонимания; оно возникает лишь при готовности уточнять значения, учитывать различия и пересматривать собственные предпосылки.

### Заключение

В условиях глобализации и интенсивных транснациональных взаимодействий вопрос о природе знания приобретает не только теоретическое, но и общественное значение. Внимание к локальному и частичному опыту помогает обнаружить формы неравенства, которые долго оставались незаметными. Вместе с тем исключительная сосредоточенность на фрагментарности может скрыть более широкие отношения доминирования, связанные с классом, полом, расой и доступом к цифровым технологиям. Возникает парадокс: риторика уважения к различию иногда приводит к ослаблению критического дискурса, поскольку исследователь отказывается выявлять общие механизмы и причинно-следственные связи. Современные социальные исследования, напротив, показывают необходимость одновременного анализа двух уровней. Локальный опыт следует рассматривать в его конкретности, но также выяснять, как на него воздействуют глобальные рынки, миграционные процессы, информационные платформы и политические институты. Такой подход не уничтожает различия, а позволяет понять условия их возникновения и реальные последствия для различных групп.

Критическое рассмотрение современных концепций релятивизма особенно важно при анализе цифровизации, глобализации и культурного поворота конца XX — начала XXI веков. Экономическая перестройка общества сопровождалась расширением рынков символических товаров, коммерциализацией внимания и превращением культурных различий в ресурс производства. Цифровые платформы собирают пользовательские данные, распределяют видимость сообщений и предлагают специализированным аудиториям разные версии информационной повестки. В этом смысле коммодификация затрагивает не только материальные объекты, но и знаки, коды, стили и идентичности. Было бы упрощением утверждать, что релятивизм непосредственно вызвал эти изменения. Скорее, чувствительность к множественности форм жизни развивалась одновременно с экономикой, научившейся превращать разнообразие в рыночные сегменты. Современное цифровое бытие поэтому сочетает противоположные тенденции: расширяет доступ к чужому опыту и создаёт информационные пузыри, поддерживает локальные культуры и подчиняет их единым форматам, открывает пространство для критики и одновременно управляет вниманием через непрозрачные алгоритмы. Выход из дихотомии ментализма и элиминативизма состоит не в возвращении к догматическому образу истины и не в отказе от неё, а в ответственном сочетании контекстуального анализа, эмпирической проверки и публичной аргументации. Такой подход позволяет признать многообразие культурных и языковых миров, не превращая их в полностью

замкнутые пространства.

## Библиография

1. Арчер М. Реализм и морфогенез // Теория общества. Сборник. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. С. 63-78.
2. Беннетт М. Краткая история интеллекта. Эволюция, ИИ и пять прорывов, изменивших наш мозг. М.: Эксмо, 2026. 544 с.
3. Беркли Дж. О духовном притяжении // Историко-философский альманах. 2012. № 4. С. 123-125.
4. Боас Ф. Антропология и современность. М.: Альма-Матер, 2024. 392 с.
5. Вайсбергер Л. Родной язык и формирование духа. 3-е изд. М.: URSS, Либриком, 2009. 229 с.
6. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
7. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
8. Деррида Ж. Поля философии. М.: Академический проект, 2012. 376 с.
9. Дэвидсон Д. События вечные против событий преходящих // Логос. 2004. № 5. С. 45-58.
10. Куайн У. Преследуя истину. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2014. 176 с.
11. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2020. 333 с.
12. Лиотар Ж.-Ф. Феноменология. СПб.: Алетейя, 2001. 160 с.
13. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Книга по Требованию, 2012. 304 с.
14. Миллер Д. Социальная справедливость: философское введение. М.: Институт философии РАН, Прогресс-Традиция, Дело, 1999. 318 с.
15. Монтень М. Путевой дневник. Путешествие Мишеля де Монтеня в Германию и Италию. СПб.: Культ-информ-пресс, 2020. 464 с.
16. Рорти Р. Историография философии: четыре жанра. М.: Канон +, 2017. 176 с.
17. Роттердамский Э. Похвала глупости. М.: Эксмо, 2026. 192 с.
18. Сепир Э. Статус лингвистики как науки; Грамматист и его язык // Языки как образ мира. М.: АСТ, Terra Fantastica, 2003. С. 127-138; 139-156. 576 с.
19. Уорф Б. Язык и мышление. М.: Альма-Матер, 2024. 334 с.
20. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. М.: АСТ: АСТ Москва, 2010. 378 с.
21. Фуко М. Дискурс и истина // Логос. 2008. № 2 (65). С. 159-262.
22. Хайдеггер М. Понятие времени. М.: Владимир Даль, 2021. 199 с.
23. Юм Д. Трактат о человеческой природе. М.: АСТ, 2022.

## Relativism in the Context of Cognitive, Linguistic, and Cultural Discourses of Contemporary Digital Being

**Zhanna Yu. Bakaeva**

Doctor of Philosophy, Professor,  
Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy,  
Chuvash State University named after I.N. Ulyanov,  
428015, 15, Moskovskiy ave., Cheboksary, Russian Federation;  
e-mail: zannabaka@mail.ru

**Irina V. Erokhina**

Postgraduate Student,  
Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy,  
Chuvash State University named after I.N. Ulyanov,  
428015, 15, Moskovskiy ave., Cheboksary, Russian Federation;  
e-mail: zannabaka@mail.ru

**Daniil M. Berezin**

Postgraduate Student,  
Department of Law and Philosophy,  
Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evsev'ev,  
430007, 11A, Studencheskaya str., Saransk, Russian Federation;  
e-mail: daniil.berezin.99@list.ru

**Abstract**

The article examines relativism as a philosophical and cultural problem that has acquired new forms in the conditions of the digital society. The dependence of knowledge on historical, linguistic, and social context is analyzed, as well as the influence of digital platforms and algorithmic selection of information on the ways of perceiving reality. Particular attention is paid to the relationship between the global and the local, the multiplicity of interpretations, and the possibility of preserving common criteria of reliability. It is shown that the recognition of the contextual conditioning of knowledge does not mean the equal value of any judgments: interpretations can and should be compared with empirical data, logical grounds, and practical consequences. Cultural and linguistic relativism are considered as significant tools for the analysis of digital communication; however, their radical versions are capable of hindering scientific criticism and intercultural dialogue. It is concluded that it is necessary to combine attention to the diversity of cultural and linguistic positions with rational argumentation, fact-checking, and analysis of the mechanisms of the digital environment.

**For citation**

Bakaeva Zh.Yu., Erokhina I.V., Berezin D.M. (2026) Relativizm v kontekste poznavatel'nykh, lingvisticheskikh i kul'turnykh diskursov sovremennogo tsifrovogo bytiya [Relativism in the Context of Cognitive, Linguistic, and Cultural Discourses of Contemporary Digital Being]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 15 (3A), pp. 138-147. DOI: 10.34670/AR.2026.25.82.004

**Keywords**

Relativism, linguistic structures, postmodern, digitalization, culture, virtual space, context, communication, globalization, metanarratives, episteme, algorithms.

**References**

1. Archer M. (1999). Realizm i morfogenez [Realism and morphogenesis]. In: Teoriya obshchestva [Theory of Society]. Moscow: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, pp. 63-78.
2. Bennett M. (2026) Kratkaya istoriya intellekta. Evolyutsiya, II i pyat' proryvov, izmenivshikh nash mozg [A Brief History of Intelligence: Evolution, AI and the Five Breakthroughs That Changed Our Brain]. Moscow: Eksmo.
3. Berkeley J. (2012). O dukhovnom prityazhenii [On spiritual attraction]. Istoriko-filosofskiy al'manakh [Historical and Philosophical Almanac], (4), pp. 123-125.
4. Boas F. (2024). Antropologiya i sovremennost' [Anthropology and Modernity]. Moscow: Al'ma-Mater.
5. Davidson D. (2004). Sobytiya vechnyye protiv sobytiy prekhodyashchikh [Eternal events versus passing events]. Logos, (5), pp. 45-58.
6. Derrida J. (2012). Polya filosofii [Fields of Philosophy]. Moscow: Akademicheskii proyekt.
7. Feyerabend P. (2010). Nauka v svobodnom obshchestve [Science in a Free Society]. Moscow: AST.
8. Foucault M. (2008). Diskurs i istina [Discourse and truth]. Logos, (2(65)), pp. 159-262.
9. Geertz C. (2004). Interpretatsiya kul'tur [The Interpretation of Cultures]. Moscow: ROSSPEN.

10. Girard R. (n.d.) Sotsial'naya spravedlivost': filosofskoye vvedeniye [Social Justice: A Philosophical Introduction]. Moscow: Institut filosofii RAN, Progress-Traditsiya, Delo.
11. Heidegger M. (2021). Ponyatiye vremeni [The Concept of Time]. Moscow: Vladimir Dal'.
12. Humboldt W. (1985). Yazyk i filosofiya kul'tury [Language and Philosophy of Culture]. Moscow: Progress.
13. Hume D. (2022). Traktat o chelovecheskoy prirode [A Treatise of Human Nature]. Moscow: AST.
14. Kuhn T. (2020). Struktura nauchnykh revolyutsiy [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: AST.
15. Lyotard J.-F. (2001). Fenomenologiya [Phenomenology]. St. Petersburg: Aleteyya.
16. Mach E. (2012). Analiz oshchushcheniy i otnosheniye fizicheskogo k psikhicheskomu [The Analysis of Sensations and the Relation of the Physical to the Psychological]. Moscow: Kniga po Trebovaniyu.
17. Montaigne M. (2020). Putevoy dnevnik. Puteshestviye Mishelya de Montenya v Germaniyu i Italiyu [Travel Journal: Michel de Montaigne's Journey to Germany and Italy]. St. Petersburg: Kul't-inform-press.
18. Quine W. (2014). Presleduya istinu [Pursuit of Truth]. Moscow: Kanon+, ROOI "Reabilitatsiya".
19. Rorty R. (2017). Istoriografiya filosofii: chetyre zhanra [Historiography of Philosophy: Four Genres]. Moscow: Kanon+.
20. Rotterdam E. (2026) Pokhvala gluposti [In Praise of Folly]. Moscow: Eksmo.
21. Sapir E. (2003). Status lingvistiki kak nauki; Grammatist i ego yazyk [The status of linguistics as a science; The grammarian and his language]. In: Yazyki kak obraz mira [Languages as an Image of the World]. Moscow: AST, Terra Fantastica, pp. 127-138; 139-156.
22. Weisberger L. (2009). Rodnoy yazyk i formirovaniye dukha [Native Language and the Formation of the Spirit]. 3rd ed. Moscow: URSS, Librikom.
23. Whorf B. (2024). Yazyk i myshleniye [Language and Thought]. Moscow: Al'ma-Mater.